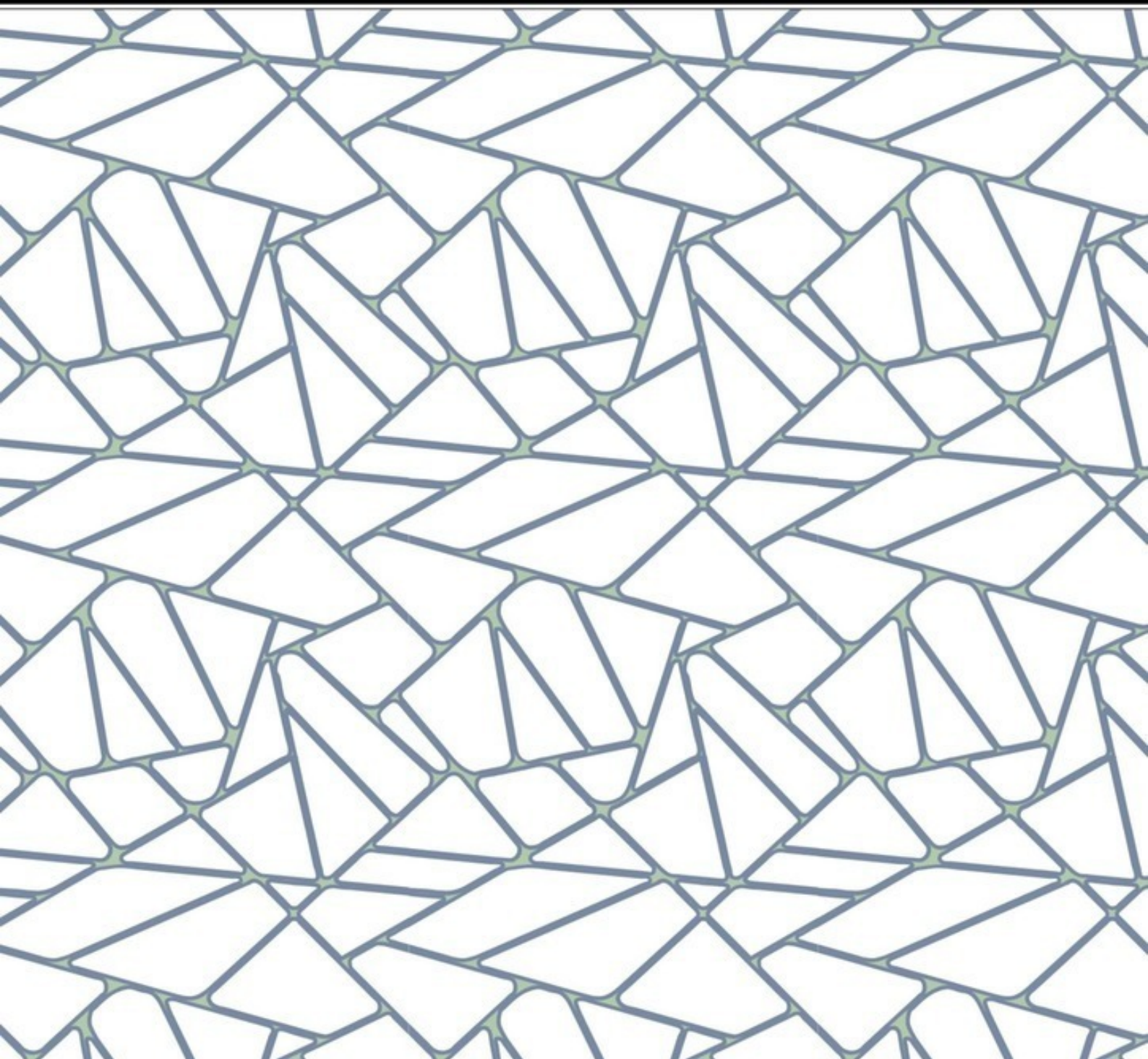

Ольга Постнова

Глаза зеркал

Ольга Постнова

Глаза зеркал

«Издательские решения»

Постнова О.

Глаза зеркал / О. Постнова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508407-1

Приближается чудесный зимний праздник — Новый год. Все, о чем мечтает Линочка — оставить пережитые невзгоды в прошлом, убежать от неприятностей с тем, кому может доверять. Но побег оказался куда опаснее, чем она себе представляла. Чтобы встретить праздник в кругу дорогих людей, Лине предстоит разгадать странную загадку, пройти по лабиринту и понять, что в её жизни все не так плохо.

ISBN 978-5-00-508407-1

© Постнова О.
© Издательские решения

Содержание

Серый человек	6
Странствующий рыцарь	10
Побег	13
Зловредная снегурочка	17
Избачиха	20
Ночь беспокойная	24
Паутина для бабочки	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Глаза зеркал

Ольга Постнова

© Ольга Постнова, 2019

ISBN 978-5-0050-8407-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Серый человек

«...И, конечно, ни в коем случае не оставаться в одиночестве. Идите к людям, туда, где вы сможете повстречать старых или новых друзей; рискните побаловать себя чем-то, о чем вы долгие годы мечтали, но не могли позволить... и я сейчас говорю не о финансовых возможностях. Очень многие из нас не делают массу приятных и психологически полезных вещей только потому, что считают их несерьезными».

Каждый вечер ровно в девять часов Линочка садилась перед телевизором и внимательно смотрела передачу «Встреча с психологом Осьмушкиным», транслируемую городским телеканалом. Иногда она открывала маленький блокнот и конспектировала особенно важные рекомендации. Вот уже месяц приятный, улыбчивый, похожий на Винни Пуха психолог начинал эфир с фразы: «А сегодня мы изучим еще один вариант побега из депрессивного состояния»; именно в такое состояние Линочка была погружена после пережитой сердечной драмы и участия в судебном процессе.

Элеонора Соколова проходила свидетелем по нашумевшему делу об убийстве историка, реставратора и коллекционера антиквариата Рубцова. Вот как неловко получилось: прогуливалась Линочка по аллее старого парка и – хлоп, из оператора почтовой связи нечаянно превратилась в свидетеля или, как её называли в газетной статье «сознательную горожанку, оказавшую существенную помощь правосудию».

Самое ужасное – Лина умудрилась влюбиться в Рубцова, и осознала это только после гибели антиквара.¹ А самое глупое – Элеонора даже знакома с ним не была: так, видела несколько раз, но до сих пор не могла отделаться от ощущения, что вместе с ним из её жизни ушла вера в чудо и пришла та самая депрессия, о которой толковал доктор Осьмушкин.

Она не рассчитывала на то, что советы психолога сотрут из памяти события прошедшего лета, но, как утопающий хватается за соломинку, так же судорожно Линочка искала спасения во всём, что обещало освобождение от тягостных мыслей и тоски.

«Нынешняя зима, увы, не торопится радовать снегом, и серые стылые улицы не улучшают настроения. Не грустите! Окружите себя яркими вещами, смотрите любимые фильмы, больше двигайтесь и общайтесь с приятными вам людьми».

Да где их взять: вещи и приятных людей? Зарплата почтового оператора не предполагала частой смены гардероба, одежда приобреталась на длительный срок, желательно неброской расцветки, чтобы не вылиняла после стирок.

Подруги вышли замуж, обзавелись семьями и как-то растворились в пространстве своего быта, забот и хлопот. А если изредка и встречались на пути, то начинали разговор со стандартного, навевающего уныние вопроса о замужестве, одни хвастались, другие жаловались – и ни те, ни другие не попадали в категорию приятных.

Были еще две родные тетки, которые упорно не желали видеть в племяннице взрослого человека, продолжали досаждать назиданиями и с азартом брались решать проблемы двадцатипятилетней деточки.

«Никогда не отчаивайтесь! Запомните: из любой сложной ситуации существует выход. И самое важное – не один, а как минимум, два выхода. Ищите альтернативы».

Недавно открытый на стадионе ледовый каток привлекал горожан радостно мигающими лампочками, красочными зазывными вывесками и обещанием веселья в стиле «Йо-хо». Что значит названный стиль Элеонора не знала, но подозревала, что это просто хитрый маркетинговый ход: ну интересно узнать, что за «Йо-хо» такое.

---

¹ Рубцов (Прищ) – персонаж из книги О. Постновой «Проклятие Дьяка Лютного»

Каждый субботний вечер на катке сопровождался костюмированными представлениями, где главную роль мог получить не только актер из городского любительского театра, но и любой человек, умеющий уверенно стоять на коньках. Впрочем, если кто-то не желал участвовать в общем веселье, то мог спокойно кататься сам по себе.

Многочисленные ледовые шоу, транслируемые по телевидению, только добавляли городскому катку привлекательности. Иногда казалось, что на залитом светом и зеркальным льдом стадионе собирался чуть ли не весь город от мала до велика. Лине нравилось наблюдать за людьми и при этом оставаться невидимой для них.

Линочка не мечтала о славе фигуристки. Кататься она не умела совершенно, но хорошо стояла на коньках, особенно, когда держалась за прутья решетки, ограждающей стадион от пешеходной дорожки. Если за оградой останавливался кто-нибудь полюбоваться на катающуюся публику, Элеонора делала вид, будто уже насладились весельем, устала и решила немного отдохнуть. Когда прохожий наблюдатель уходил, Линочка, перехватывая руками прутья, делала крошечные скользящие шажки по зеркальной поверхности катка. Через пару метров она останавливалась, переводила дыхание, и с завистью смотрела на других участников ледового развлечения, которые со скоростью ветра проносились мимо или выделяли немыслимые, по мнению Линочки, пируэты. На Элеонору Соколову никто не обращал внимания.

«В период депрессий снижается потребность во взаимоотношениях. Не чурайтесь людей, но и собирать вокруг себя толпу совершенно не обязательно. Иногда очень полезно быть невидимкой. Но не увлекайтесь!».

Линочка приходила сюда уже третью субботу. Чудесный вечер, прозрачно-фиолетовый от подсветки льда светофильтрами, легкая музыка, люди в спортивных костюмах и театральных нарядах скользили мимо, смеялись, падали, снова смеялись, увлекая мысли Лины в водоворот радости и беззаботности.

В центре катка высилась искусственная ёлка, своими габаритами напоминавшая гигантскую башню, увешанную гирляндами и шарами. По периметру катка были установлены елочки поменьше, скромнее украшенные, а то и вовсе без украшений.

Зима не спешила, улицы города укутывало серое стылое уныние, которое оптимисты называли европейским вариантом сезона. Рукой подать до Нового года, а снега нет и нет, и только здесь, на катке, ощущалось приближение праздника и дыхание чуда.

Пронзительный короткий вопль заставил Линочку вздрогнуть и еще сильнее вцепиться в прутья металлической решетки. Крик раздался совсем рядом, у трех пушистых невысоких елочек, закрывающих неприглядный фасад соседствующего со стадионом маленького магазина. Лина растеряно огляделась. Людей много, но они все у центральной ёлки, увлечены веселой игрой, хохочут и ничего не слышат.

Линочка разжала пальцы, выпуская из рук стержни ограды, и медленно, согнув ноги в коленях, покатила в сторону, откуда исходил крик. Проехав метра два, она остановилась, страшась сделать шаг без опоры. Не придумав ничего лучшего, девушка опустила на лед и на четвереньках поползла вперед.

«Не следует посвящать много времени возвращению жалости к себе. Возможно, где-то близко от вас находится тот, кому еще хуже».

Психолог Осьмушкин оказался прав! На льду между елочной триадой лежала женщина. Лежала на спине, широко раскинув руки. Линочка запомнила ее с первого посещения катка. Очень эффектная изящная брюнетка в норковой короткой курточке, синей шапке крупной вязки, элегантных спортивных брюках и ярких кожаных перчатках, закрепленных на тонких запястьях неоновыми браслетиками, вспыхивающими всеми цветами радуги всякий раз, как на них попадал луч софитов.

Элеонора восхищенно вздыхала, глядя на нее, и мысленно называла Жизелью. Невысокого роста, худенькая, похожая со спины на девочку-подростка, незнакомка была подобна лег-

кокрылой бабочке. А теперь эта чудесная дама лежит без движения и, может быть, умерла? По округлому подбородку красавицы стекала струйка крови.

Лина закрыла глаза. Нет, она не желает вновь попасть в какую-нибудь историю. Хватит с нее прошлого раза! Она уже была в роли «сознательной горожанки», до сыта откушавшей пряных неприятностей большой ложкой. Надо ползти обратно и позвать на помощь других «сознательных горожан».

Линочка резко подалась назад и, потеряв равновесие, завалилась на бок. Неловко перебирая руками и ногами, девушка пыталась принять прежнее положение, но добилась того, что откатилась к одной из елок и упала, ткнувшись носом в крестовину. Опираясь на металлический ствол искусственного дерева, Линочке наконец-то удалось привстать. Вцепившись в спасительную опору, она выглянула из-за ёлки, отделявшей её от пострадавшей дамы.

Жива! Прекрасная незнакомка пришла в себя и, стоя на коленях, тревожно оглядывалась. К ней приблизился человек в длинном сером балахоне и маске, закрывающей лицо, вероятно, участник костюмированного шоу. Линочка обрадовалась: наконец-то нашелся кто-то неравнодушный и ее, Линочкиного, участия не потребуются. Однако, вместо того, чтобы предложить красавице руку и поднять с колен, человек размахнулся и ударил Жизель по спине, вновь укладывая на лёд.

Лина хотела закричать, но почувствовала, что сделать этого не может: горло сдавил холодный ужас. Она подумала, что сейчас и её убьют. Жизель, совершенно чудесным образом, сохраняя изящество движений, молниеносно вскочила на ноги, но, заметив резкий взмах руки серого человека, послушно опустилась на лед. Он поправил капюшон и принялся спокойно разглядывать елку, не замечая наполненных ужасом глаз хрупкой балеринки-фигуристки.

– Кто вы? – хрипло спросила Жизель. – Что вам нужно?

Человек в балахоне продолжал безмятежно смотреть на сверкающие шары, словно не слышал вопроса.

– Кто вы? – крикнула женщина.

Человек вздернул подбородок и посмотрел на макушку огромной елки.

– Что вам надо?

Человек обернулся, пожал плечами и вновь уставился куда-то вверх.

Жизель поднялась на ноги и попятилась. Приближающаяся группа молодых людей придала ей храбрости. Она бросилась к ним навстречу и, присоединившись к компании, скрылась в шумной толпе.

Человек в сером одеянии продолжал стоять, не делая никаких попыток преследования, и наслаждался красотой пейзажа. Полюбовавшись еще немного, он с дамским жеманством, поддернул балахон, чтобы не задеть лезвиями коньков, и змейкой заскользил по льду.

Линочка с трудом сглотнула колющий комок ужаса, саднящий горло и мешающий дышать. Что по этому поводу говорил Осьмушкин?

«Очень помогает избавиться от депрессии решение жизненных задач. Задачи не должны быть глобальными и сложными. Для начала решите легкую или созревшую для решения проблему».

Сказано хорошо, осталось только исполнить. Кое-как добравшись до раздевалки, Лина быстро переоделась и поспешила домой. Больше всего на свете, ей хотелось поскорее дойти до квартиры и, заперев дверь на все замки, оказаться в теплой уютной кухне в обществе телевизора. Таков был алгоритм решения «созревших проблем».

Подойдя к подъезду, Линочка долго не могла попасть кругляшом домофонного ключа в кодовое гнездо. Руки дрожали, и в узком окошке домофона загоралась надпись «Error», отключающаяся в доступе. Краем глаза она заметила чью-то тень и, повернув голову, увидела человека в сером. Глубокий капюшон скрывал лицо, но Элеоноре показалось, что в этой черноте прячется нечто зловещее и непостижимое.

Линочка ничего не успела сообразить, как дверь с мелодичным треньканьем открылась, из проёма выскочил соседский мальчишка с собакой, и девушка ворвалась в спасительный подъезд.

Странствующий рыцарь

С Антоном Заречным они не виделись лет пятнадцать, но случайно столкнувшись на автобусной остановке, тут же узнали друг друга.

– Линка!

– Тошка!

Давняя история прерванной, но не забытой дружбы: они ходили в один детский сад, затем сидели за одной партой в школе. Все находили их удивительно похожими, удивляясь факту, что они оказывается не брат и сестра. Маленькие, худенькие, тихие, незаметные, словно мышки, с одинаково растерянным выражением на личиках. Несмотря на свою скромность, Антон быстро завоевал уважение одноклассников, отважно отражая нападки более наглых и сильных мальчишек. Он никогда не жаловался ни учителям, ни родителям, предпочитая разбираться с несправедливостью самостоятельно.

Однажды он весь урок отстоял в углу, куда его поставила учительница в знак наказания за то, что он разбил нос старшекласснику Гоше. Никто не стал разбираться в причинах случившегося, и приняли виновность Тошки за установленную истину, поскольку Гошка, сын завуча, конечно, не способен на дурной поступок. То, что Гошка отвесил унижительную затрепину Линочке Соколовой и громко назвал сиротой-приёмным, осталось за пределами внимания строгой учительницы.

До педсовета, прозванного в среде школьников огненным судилищем, дело не дошло, но Антон Заречный неожиданно исчез из школы, не сообщив о своих планах даже Линочке. Девочка очень переживала, предполагая очевидной причиной драку с Гошей.

– Нет, – пояснил уже взрослый Тошка. – Я и сам тогда ничего не знал о срочном отъезде из города. Это было связано с работой отца, он служил в воинской части. Сначала, как я помню, его отправили в командировку, а потом приказали остаться на новом месте и повысили в звании. Школу я заканчивал уже в другом городе. Шесть лет назад умер отец, мама вышла замуж второй раз, я решил вернуться сюда, то есть, к бабуле. О селе Беседино слышала? Вот уже четвертый год живу там, и второй год пытаюсь справляться с хозяйством в одиночку. Бабуля завещала мне дом, вот и мотаюсь из села в город на работу. Не особенно удобно, но я привык.

Тошка работал менеджером в одном из небольших мебельных магазинов «Уют». Прерванная дружба возобновилась. Линочка рассказала Антону о своей неудачной попытке выйти замуж, Тошка признался, что у него тоже не складывается личная жизнь.

– Девчонки любят развлекаться, посещать бары, рестораны, а у меня нет таких финансовых возможностей, да и не нравится мне весь этот гламур.

Они стали видеться каждый вечер, исключая выходные. Заречный приводил в порядок перекошенный, скрипящий бытовой мирок подруги: заменил кран на кухне, прикрутил полочку в ванной, закрепил дверцы шкафа и, наконец-то, починил все розетки. Линочка кормила Тошку немудрящим ужином и радовалась, когда он, утерев рот ладонью, с довольным видом произносил: «Вкуснотища. Так вкусно меня только бабуля кормила».

Обоим казалось, будто не было вовсе этих пятнадцати лет разлуки: Линочка видела в Заречном скромного, но гордого и отважного десятилетнего мальчугана, а Тошка узнавал в Элеоноре девчущку, которая всегда нуждалась в защите, поскольку имела дурную привычку попадать в нелепые истории.

«Если у вас нет близкого друга, которому вы можете поведать свои переживания, попробуйте изложить проблему на бумаге, напишите письмо самому себе или воображаемому товарищу. Это кажется наивным только на первый взгляд, но не спешите отмахнуться от совета. Переводя настроение и эмоции в слова, вы невольно сосредотачиваетесь на анализе ситуации, заново осмысливаете ее и смотрите на обстоятельства немного по-иному».

С Тошкой было легко и хорошо просто потому, что Линочка не стремилась ему понравиться и не впадала в ступор от мысли о своей непривлекательности.

– Странная история, – нахмурившись, сказал Заречный, выслушав рассказ Линочки о случае на катке. – Всё это могло бы не иметь никакого значения, но есть один тревожный факт. Ты говоришь, человек в сером следил за тобой? Значит, он заметил тебя, а наблюдатели в его планы, очень возможно, не входили. Ох, Линка, снова ты вляпалась в неприятности. Сколько лет прошло, а ты нисколько не изменилась: всякая дрянь к тебе липнет.

– Может быть, отлипнет? – робко предположила Лина. – Я не готова к приключениям. И вообще, я могла с перепуга принять за серого человека обычного прохожего, решившего остановиться напротив моего подъезда.

– Наверное, – неуверенно согласился Антон. – Сегодня понедельник, и ты его не видела, значит, все в порядке. Ты всегда была ужасно впечатлительной.

Во вторник за ужином они еще немного поговорили о сером человеке, но, поскольку злодей не появлялся в поле зрения, а фантазировать не хотелось, то в теме была поставлена точка.

Линочка решила оставить мечты о лаврах фигуристки и посвятить свободное время изучению новых кулинарных рецептов. Антон воодушевленно поддержал подругу, находя новое увлечение более безопасным.

В среду они уже лакомились вишневым рулетом, и Тошка блаженно шурил глаза, расхваливая внезапно проявившийся талант Элеоноры.

– Вкуснотища! Бабуля рулетов не делала, но это очень похоже на её пирожки. Ты мне на выходные заверни рулетик, а лучше два или три. Только напиши, что нужно купить, я куплю, а ты совершишь чудо.

– Ты тоже соверши чудо, – попросила Лина, – полочку мне на кухне повесь. А то она, как сорвалась три года назад, так и стоит на подоконнике.

– Не проблема! Что же ты молчала? Линка, как оказывается легко стать волшебником.

После ухода Антона прошло минут тридцать. Лина порадовалась полке, занявшей своё место, красиво расставила баночки со специями и уже готовилась приняться за просмотр сериала, как раздался долгий и тревожный звонок в дверь.

– Тошка?

– Тисёвсемсюмасёсла?

То, что произнесенная абракадабра имела вопросительный характер, Линочка поняла только по выражению глаз Антона. Зажатые окровавленными пальцами ноздри не позволяли Заречному выразить свою претензию более членораздельно. Он, выпалив это, кинулся в ванну, а выйдя через минуту и отчаянно шмыгая, поинтересовался уже спокойнее:

– Ты совсем с ума сошла? Зачем открываешь дверь, не спросив, кто там? Завтра же я в твою дверь глазок врежу, а то придёт серенький волчок и ухватит – ам. Меня так по носу хватил, что все вокруг бенгальскими огоньками засверкало.

Оказывается, при выходе из подъезда, Заречный столкнулся со странным человеком, одетым в нечто серое.

– Мне показалось, что это огородное пугало в капюшоне только и ждало возможности проникнуть в дом. В принципе, не задень я его плечом, он бы вошел. А так мне пришлось поднять глаза, чтобы извиниться и... Он, видимо, понял, что надо бежать. Мы побежали. Он от меня, я за ним. Чучело скрылось за углом, а как только я добежал, выскочило и садануло меня по носу.

Тошка был взволнован, многословен и зол: его раздражала неудача в поимке серого человека.

– Мне следовало бы серьезнее отнестись к делу, а так получается, что мерзавцу снова все сошло с рук.

– Он видел тебя, – охнула Лина. – Значит, теперь и ты в опасности.

Антон усмехнулся и шмыгнул носом.

– Линка, глупенькая, ты не поняла, зачем он пытался войти в подъезд?

– Вот тебе и Новый год, – всхлипнула Лина. – Почему у меня все не так, как у людей?

– Ты не плач, – Тошка ободряюще подмигнул и уверенно пообещал: – Придумаем что-нибудь.

Она хорошо помнила эту фразу друга, Заречный произнес её впервые еще в детском саду, когда доверчивая Линочка, поддавшись на уговоры хитреньких девочек порезала оконную штору на платья для кукол. Тогда Тошка взял вину на себя и отстоял в углу целых тридцать минут. Линочка тоже стояла... рядом... молча, так и не признавшись воспитательнице в содеянном. И в школе он частенько выручал невезучую подругу, подставляясь под удар наказания. И все потому, что Линочка обладала очень неудобной – или удобной? – особенностью впадать в ступор и терять голос при волнении.

Побег

«Необходимо найти в себе силы, и сменить обстановку. Не столь важно, какой путь перемен выберете вы: перемещение мебели в комнате или себя в пространстве. Важно изменить хоть что-нибудь, тем самым отстраняясь – мысленно или территориально – от травмирующей ситуации».

Со слезами и небольшим скандалом, но, всё же, удалось выклянчить досрочный двухнедельный отпуск, сославшись на сложные семейные обстоятельства. В пятницу Линочка укладывала в дорожную сумку нехитрые пожитки и слушала рассуждения Антона.

– Надо успеть до темноты. В появлениях таинственного незнакомца, назовем его для краткости Серым, есть некоторая закономерность – он является во мраке. Главное – дожидаться информации, связанной с ним. Возможно, в газетах появится сообщение или что-нибудь скажут на местном телеканале или в социальных сетях мелькнёт тема о пропавшей или пострадавшей женщине. Мы пока не знаем, какие цели Серый преследует, но, думаю, сообразим, если получим больше сведений. Ты пока отдохнешь на свежем воздухе, а заодно поможешь мне по хозяйству. Линка, если бы ты знала, до какой степени мне надоели омлет и яичница! Но это единственное, что я способен приготовить.

Лина кивнула в знак согласия. Отчего не побывать в гостях? Тем более, ей сейчас очень хотелось спрятаться от всех событий, уехать подальше от воспоминаний, как и советовал доктор Осьмушкин. Конечно, было бы куда приятнее прятаться от прошлого где-нибудь на солнечном пляже, под пальмой, но, судя по всему, эта сказка не для Лины. Даже смешно: все знакомые уже побывали в Турции, Египте, а Линочка специализируется на отдыхе в деревне – судьба.

«Отдых в деревне» – формулировка, лишенная смысла; в жизни Линочки был опыт знакомства с любителем маленьких поселений, где, как оказалось, нет никакого покоя, зато тайн и загадок больше, чем репьев на бродячей собаке.

Унылый вид подруги огорчал Антона, и он воодушевленно оглашал план действий:

– Подготовимся к празднику, нарядим ёлку, сварим холодец и вообще закатим пир. Утром – лыжные прогулки – снег я надеюсь – все же выпадет, днём – просмотр телевизора и обсуждение вечернего меню, а вечером – чтение Диккенса или Вальтера Скотта и, конечно, твой рулет под чаёк-кофеёк.

Казалось, Заречному удалось решить непосильную задачу – немного развеселить впадающую в уныние подругу.

Пока Антон рассуждал о Диккенсе, Линочка размышляла о происшествии на катке. Ей казалось, что человек в сером балахоне действительно опасен и Тошка прав: куда умнее не попадаться на глаза странному незнакомцу. Даже лучше убраться на время из города на тот случай, если злодей наметил её в качестве следующей жертвы. Конечно, красивую брюнетку очень жалко, но чем Линочка поможет? Позвонить следователю Боброву? И что сказать? Да и по сути, что такого случилось? В конце концов, Жизель не малое дитя, сама решит свои проблемы. С какой стати, вмешиваться в чужие дела?

Не смотря на решительные намерения выкинуть из головы все мысли о неприятности на катке, Линочке так и не удалось изгнать переживания за жизнь несчастной брюнетки, и стоило закрыть глаза, как возникал пугающий образ серого человека.

Антон так красочно рассказывал о Беседено, что можно было запросто увлечься фантазиями, представить себе сказочную страну и... разочароваться. Как только автомобиль Антона свернул с городской трассы, Линочке нестерпимо захотелось вернуться. Тоскливый однотипный пейзаж, представленный серой полосой лесопосадок, навевал скуку, быстро и уверенно

переходящую тоску, а затем в ощущение безысходности. При въезде в Беседино настроение ничуть не улучшилось, а вот Антон видел во всём непонятную для Линочки красоту.

– Это дом культуры, – с придыханием сообщил молодой человек и кивком указал на обшарпанное здание с большими пыльными окнами.

Окна казались похожими на глаза чудовища старого и всеми забытого, а пыль, оставленная на стеклах с осени, теперь, прихваченная морозцем и побелевшая, напоминала бельма.

– Напротив, – продолжал вещать Антон, – магазин.

Линочка бросила взгляд на неказистое строение, спрятавшееся за разросшимися кустами, и отвела глаза – скучно и мрачно. Дальше вдоль дороги рядом выстроились бревенчатые домики, одни вросли в землю по самые окна, другие выглядели вполне прилично, а третьи – новоделы из кирпича, стекла и бетона – даже наглова.

– Отстраивается село, – улыбнулся Заречный. – Старожилов, конечно, почти не осталось, в основном пришлые заселяются. Здесь, на Центральной улице, дачники-зимородки обосновались.

– Кто? – заинтересовалась Линочка. – Зимородки?

Антон кивнул и сбавил скорость, позволяя Лине разглядеть фундаментальные гнездовья необычных дачников.

– Пожилые москвичи. Купили здесь участки под дачи, а квартиры или сдают, или детям оставили, в общем, зимуют они в Беседино, говорят, мол, воздух целебный и вода чистая. А мой дом на Саманной, там низина, болото, дорога гравийная – москвичам не нравится, но и туда постепенно проникнут, захватчики. – Антон рассмеялся и весело посмотрел на Лину.

Девушка в ответ уныло улыбнулась, она не понимала восхищения молодого человека селом, но уважать чувства друга можно, и не разделяя. Вероятно, Антон способен видеть больше, чем она, узнавать красоту в том, что для нее, Линочки, не представляет интереса. Может быть, она утратила способность восхищаться и теперь смотрит на всё глазами Кая, мальчика с осколком зеркала в сердце?

А если обратить взор на себя? Кто такая, она, Линочка? Маленькая, щупленькая, серенькая, похожая на испуганную мышку, женщина двадцати пяти лет, работающая оператором на почте, бюджетник с крохотной зарплатой, неудачной судьбой и вечным комплексом ребенка-сироты, воспитанного двумя тетками-опекунами.

Линочка усмехнулась и бросила взгляд на Антона. Молодой человек продолжал живописать сельскую жизнь; машина повернула направо, и шум гравия под колесами заглушил хмыканье Лины, которое Антон мог бы принять за недоверие к словам и обидеться.

– Вот и Саманная! – Заречный провозгласил это так торжественно, словно они въезжали на Красную площадь, причем на белом коне.

Опасения Линочки в отношении назойливого внимания соседей оказались лишними оснований, наблюдать за личной жизнью Антона и его гости, здесь было некому. Вся улица – это три дома по одной стороне дороги, два – по другой.

– На самом деле, село у нас большое, – сообщил Заречный, наблюдая растерянность на лице подружки. – На Садовой много дворов, в Родниках, на Ульянова-Ленина, на Совхозной, а Саманная считается тупиком. Но, – Антон выразительно приподнял брови и красноречиво помолчал пару секунд, – Саманная – историческая часть поселения. Здесь, на Саманной, когда-то стоял дом владельца имения, Беседина.

Лина нахмурилась и отвернулась от Заречного, опасаясь, что он разглядит тревогу на её лице. Линочке сейчас меньше всего хотелось слушать о бывших владельцах, поместьях, князьях, особняках, проклятиях... Этого с нее хватит! И все же она начала волноваться и с полуулыбкой, подходящей к светской беседе, поинтересовалась:

– Надеюсь, ты не в родстве с владельцем?

– С кем? – Антон сначала удивился и, кажется, не понял о чем речь, затем весело расхохотался. – С Бесединым? Нет. Было бы, конечно, забавно, но нет. Мои предки и по отцу и по матери крестьяне, да и я по своей натуре тоже. Люблю на земле работать, крестьянская у меня порода, и никуда от этого не уйти. Счастлив тот, кто себя правильно оценивает и понимает. Так Избачиха говорит.

– Кто говорит? – не поняла Лина.

– Соседка моя. Вон её дом. Видишь?

Дом Избачихи Линочка сразу окрестила присидышем, так тетушка Марта называла неподоспевшее тесто; домик низенький, но крепенький и обихоженный, с резными ставнями на окнах.

– Очень занятная старушка, эта Избачиха, – улыбнулся Антон. – Всё у нее какие-то при сказки да поговорки. Я в детстве часто к ней бегал байки слушать, а сейчас помогаю по-соседски. Дети и внуки у нее в Питере, приезжают нечасто, а она здесь одна бедует. Старенькая, слепая почти, а к детям в Питер не желает переезжать. А напротив – моя холостяцкая берлога.

Дом Заречного был облицован материалом, напоминающим древесную кору, невысокий забор, огораживающий двор позволял разглядеть ровные грядочки, укрытые соломой, три деревца и аккуратные ровные кусты шиповника; широкое низкое крылечко, металлическую тяжелую дверь. К дому от дороги вела ровная тропочка, присыпанная кирпичной крошкой. И дом, и двор казались теплыми, уютными, манящими.

Лина живо представила себе летний день, когда деревья и кустарники одеты в густую зелень, от земли исходит приятное тепло, а в воздухе витают ароматы цветов, над которыми весело выются бабочки. Весной, сразу после таяния снега и первых теплых лучей, пряно и бодряще пахнет сохнувшей древесиной. А зимой – печным дымом, морозом и свежим хлебом.

– А рядом дом Худовых. Очень приличные люди, образованные, творческие. Валентина Ивановна недавно овдовела, но с ее внешностью и общительностью, она недолго пробудет в таком печальном статусе. Она педиатр в детской поликлинике. Её ныне покойный супруг был художником. С ним я мало общался, да он, в принципе, ни с кем не дружил, разве что со своими шедеврами. И еще Зоя здесь живет, дочь Валентины Ивановны, приходящаяся Неону падчерицей.

– Не... кому? – спросила Лина, не совсем понимая, зачем Антон так тщательно растолковывает ей совершенно незначимую информацию.

– Неон Аскольдов, художник, – охотно пояснил Антон, останавливая автомобиль. – Между прочим, он покинул столичный град, сознательно выбрав для жизни наше село, говорил, что Беседино его вдохновляет. Вообще-то, никакой он не Неон и не Аскольдов, а Николай Степанович Худов, но для художника такое имя обидно звучит, как бы от слова «худо», то есть, плохо.

Дом, сложенный из белого кирпича воображение не потрясал и выглядел обыкновенно, разве что синие ставни на окнах немного оживляли стандартное строение, да глухой забор из плотно пригнанных досок был ярко разрисован знаками, похожими на руны.

– Это Неон так украсил забор? – Лина решила проявить заинтересованность в жизни местного сообщества.

– Нет, это Валентина Ивановна живописала, – рассмеялся Антон. – Она говорит, что это символы защиты дома от кого-то или чего-то. После смерти мужа она немного странная стала, наверное, одиночество сказывается. Такое ощущение, что тетя Валя чего-то опасается. Хорошо, что она с дочерью живет, а то, знаешь, одинокие женщины немного сумасбродны. А Зоя, дочь Валентины Ивановны, очень разумная девушка для своих восемнадцати лет, хотя сосредоточена только на себе. Тетя Валя, знаешь, хорошая, но одинокая женщина, потому и немного загадочная.

Линочка смущенно улыбнулась. Наверное, Антон прав: скудность впечатлений от реальной жизни заставляет придумывать замысловатые сюжеты, заплетать в косу событий случайные фрагменты из прочитанного в книгах, увиденного в фильмах и придавать особое значение бессмысленным ситуациям. В памяти вновь возник образ человека в сером балахоне. Может быть, это пугало – коллективная галлюцинация одиночек? И красивая брюнетка, возможно, тоже одинока, как эта вдова художника, как Линочка и Тошка?

Антон вышел из автомашины и, распахнув дверцу, галантно подал руку. Выбравшись из салона авто, девушка осторожно потянула носом воздух, а затем сделала глубокий вдох. Маленький провинциальный городок, где жила Лина, находился совсем недалеко, но воздух там был совсем другой – тяжелый, пропахший бензином.

Заречный открыл капот и принялся доставать пакеты с логотипом сетевого магазина. Линочка хотела было помочь, и уже сделала шаг, но остановилась, застыв на мгновение. Ей показалось, будто на нее бесшумно надвигается беда. Преодолев страх, Лина оглянулась. Позади стояла высокая стройная девушка и насмешливо наблюдала за Антоном.

Зловредная снегурочка

– Удивляюсь я современным нравам, – улыбаясь, сказала она. – Нет бы, сначала гостью в дом пригласить, чаем угостить, предложить полистать альбом с фотокарточками или телевизор включить, а уже потом бытовой прозой заниматься. Зачем? Пусть гостья на холодке померзнет. Ох, в этом весь Антоська Заречный. – Девушка хихикнула и представилась: – Зоя, соседка Антоськина.

– А я Лина.

Элеонора под взглядом новой знакомой потупилась и зачем-то шаркнула ножкой. Смотреть в лучистые глаза Зои, не выдавая удивления, замешанного на восхищении, оказалось трудно. Высокая, стройная, легкая, тянущаяся вверх и потрясаясь красивой; казалось, что на поверхности земли Зою удерживают лишь ботинки и рюкзак. Иссиня черная тугая коса перекинута за плечо, личико белое, необыкновенно яркие голубые глаза... и вся Зоя была похожа на снегурочку, существо прекрасное, но, безусловно, нереальное. Сходство с внучкой зимнего деда усиливала и облачение девушки: шапочка, курточка, меховые варежки, брючки, рюкзачок и ботики – всё белое.

Лина даже закрыла глаза, испытывая неловкость за свой простенький серенький наряд. Вещи, приобретенные на рынке и в магазинчике «Секонд-хенд» не радовали утонченностью модели и не претендовали на эксклюзивность, к тому же глубокий капюшон куртки-пуховика всё время норовил съехать на переносицу, и Линочка чувствовала себя неловко.

– Ой! – воскликнул Антон и виновато посмотрел на подругу. – Зоя права. Я что-то не подумал. Ты, наверное, проголодалась и устала? Ах, я растяпа!

Лина в ответ покачала головой. На самом деле ей очень хотелось поскорее попасть в дом Антона, выпить горячего кофе и забыть о Зое, как о наваждении. А Зоя разглядывала Линочку, но не с деревенским простодушным любопытством, а с долей грусти и разочарования: так опытный оценщик смотрит на стеклянную безделушку, которую принесли в ломбард под видом фамильного бриллианта.

– А ты, Антоська, – насмешливо обратилась Зоя, переводя взгляд на Антона, – продолжаешь заниматься благотворительностью? Благородство в наше время – дело невыгодное. Хочешь стать удачливым и успешным, так держись ближе к тем, кто дружит с успехом и удачей, а ты всё горемык от житейских невзгод спасаешь.

«В периоды сложных эмоциональных состояний, человек становится очень уязвим. Слова, взгляды, неосторожное замечание или молчание могут восприниматься необоснованно болезненно. Поэтому близкие люди должны приложить максимум усилий и терпения».

От слов Зои душа Линочки сжалась в комочек, заледенела от обиды и сдавила холодом сердце. Ну, почему так бывает: стоит только почувствовать себя не абстрактным существом, а живой и, возможно, интересной личностью, как тут же появляется тот, кто непременно постарается сделать из тебя образец неполноценности? Вот сейчас Зоя парой легких фраз поставила всё на свои места, определив Линочку в статус горемык. Лина пропустила болезненный удар по самолюбию и задумалась.

– А что такого? – удивился Антон, не замечая застывшего выражения на лице гостьи. – В жизни всякое случается.

– Да ладно, Антоська, – рассмеялась Зоя. – Я тебе просто завидую, ты умеешь находить общий язык с пожилыми, а я их боюсь.

Щеки Линочки вспыхнули от возмущения. Конечно, Зое только восемнадцать и Лина по сравнению с юной красавицей выглядит не столь свежо и бодро, но вот так запросто угодить в категорию пожилых она не согласна.

– Пока! – Зоя махнула рукой Антону, подмигнула Линочке и бодро зашагала по тропинке к автобусной остановке.

Юная, прекрасная, воздушная и уверенная в себе девушка, у которой наверняка все хорошо. С такой-то внешностью разве может быть что-то плохо? Элеонора вздохнула.

«Не старайтесь быть идеальными или сравнивать себя с теми, кто вам кажется более успешным или привлекательным. Вы не знаете их проблем».

Обида отпускала постепенно, а когда окончательно разжала когтистые жестокие лапы и выпустила испуганное сердце, по телу разлилось живительное тепло. Оказывается, красавица Зоя вовсе не намеревалась обижать Линочку, и во всем виноваты тетки-опекуниши, взрастившие не только Лину, но и ее комплексы.

– Зойка почему-то придумала, будто боится бабушку Избачиху, – объяснял Антон, с нетерпением наблюдая за тем, как гостя нарезает вишневый рулет. – А мне жалко старушку, да и дружба у нас с ней давняя. Каждое утро я навещаю ее, а вечером привожу продукты. У нас такой тайный уговор: если утром...

Как оказалось, утренние часы в Беседино насыщены событиями и, несмотря на вполне городские условия, местные жители сохранили старые традиции. Даже москвичи-зимородки переняли привычку рано вставать, хотя это давно уже утратило практический смысл: никто не держал коров, требующих утренней дойки и кормления, не было необходимости топить печи, ставить опару на хлеб, спускаться в зимние погреба, ходить к колодцу за водой – всё в прошлом, но привычки оказались сильнее.

– Это, знаешь, генетика. Просыпаюсь в половине шестого, – сообщил Заречный, – готовлю омлет или яичницу, пью кофе на террасе, читаю газеты, смотрю в окно – одним словом, наслаждаюсь жизнью, а заодно, проверяю, всё ли в порядке у бабушки Избачихи. У нас с ней тайный уговор: если утром шторы на окнах в избе старушки раздернуты, значит, всё в порядке, можно спокойно завтракать. Если задернуты, значит, приболела, требуется помощь. Но такого еще не бывало, Избачиха на удивление крепкая бабулька, фору молодым даст.

Внутреннее убранство дома Заречного напоминало городскую квартиру: две комнаты, кухня-чулан, душевая кабина, центральное отопление, стандартная мебель – ничего уникального, кроме печки-голландки, выкрашенной серебрянкой. Всё скромно, без претензий, вполне удобно, но немного не уютно. Сразу видно, что здесь живёт холостяк: ни миленьких безделушек, ни цветочков, ни фотографий в рамках; на окнах вместо штор – жалюзи, вместо обеденного стола – компьютерный, диван и кресла больше соответствовали офисному стилю, нежели домашнему, на подоконниках и полках лежали кипы газет.

– А где же книги? – удивилась Лина, вспомнив о том, с каким упоением Тошка зачитывался романами Вальтера Скотта, Диккенса, Лондона, Дюма.

– Здесь, – Тошка указал на компьютер. – А еще в электронной читалке. Пойдём-ка на террасу, я там обычно трапезничаю.

Терраска представляла собой небольшое, вытянутое вагончиком, помещение с двумя окнами, занавешенными вышитыми короткими шторками. В простенке между окон стоял круглый стол, накрытый клетчатой клеёнкой, у стола – четыре стула с гибкими спинками и мягким подголовником.

– Это, – Антон кивнул на стулья и рассмеялся, – мне в прошлом году в качестве премии выписали. Что-то не шла у нас торговля, вот и нашли способ поощрить неходовым товаром. Они удобные, эргономичные, но страшненькие.

Заречный говорил, а Лина слушала, пила сладкий кофе с рулетом и улыбалась. Как хорошо здесь, на террасе, спокойно и дремотно. Линочка смотрела в окно и думала, что Беседино – милое простое село, где так приятно укрыться от городской реальности, забыть о работе, о тетках-опекунях и обо всех неприятностях, вместе взятых. Даже о сером человеке можно не вспоминать.

Сонное зимнее солнце, заглядывая сквозь вышитые шторы, заполняло террасу нежно-фиолетовым светом, придавая предметам прозрачность и легкость. Старая книжная этажерка у двери, старенький диван у стены, стол, стулья, Антон – всё казалось нереальным, светлым, невесомым, да и сама Линочка почувствовала себя легкой, счастливой и умиротворенной.

Вдруг в проеме двери показался силуэт человека в балахоне. Лина пыталась сказать Антону, предупредить, но он лишь качал головой, не понимая ее. На плечи навалился ледяной ужас, она вздрогнула, хотела закричать, но не смогла и крепко зажмурила глаза, а когда открыла, то увидела перед собой улыбающееся спокойное лицо Антона.

– Ого, похоже, кто-то устал. Это кислород так действует. Что же ты не сказала, что хочешь спать?

Даже теперь, очнувшись от внезапного забытья, Лина не могла отогнать ужасный морок. Серая фигура стояла на пороге и уже не пыталась притворяться бесплотным видением, она была настоящей, материальной и не собиралась таять, как подобает сотканным из фантазий видениям.

Избачиха

– А декабрь-то совсем разомлел, – произнес трескучим голосом устрашающий призрак и, переступив через порог, вошел в террасу.

– Любовь Никаноровна! – воскликнул Антон и, подскочив со стула, резво подбежал к мороку, успев шепнуть: – Избачиха.

Назвать ее старухой у Линочки не повернулся бы язык. Да и на морок при ближайшем рассмотрении Любовь Никаноровна совсем не была похожа. Выше среднего роста, крепкого телосложения, лет шестидесяти с небольшим. Голову женщины венчала меховая шапка-боярка, широкое длинное пальто, отороченное снизу мехом, делало её похожей на неизвестный или забытый персонаж зимней сказки. Серые валенки и длинная трость-посох довершали образ.

Антон помог новой гостье освободиться от длинного пальто, усадил за стол и ушел за новой порцией кофе.

– Мы живём в глухом захолустье, – низким голосом заговорила Любовь Никаноровна, глядя в пространство поверх головы Лины, – и, конечно, новые люди вызывают живой интерес. С тех пор, как бабка Антона умерла, – Избачиха размашисто перекрестилась, едва не смахнув со стола блюдо с рулетом, – мне не доводилось наблюдать в этом доме гостей. Вы, как я понимаю, девушка городская? Сельской жизни не знаете?

Кожа на лице Любви Никаноровны ровная, натянутая и только веки тяжелы и морщинисты, а взгляд напряженный и остекленевший.

– Наклонись-ка, ближе, милочка, – грубоватым шепотом произнесла странная женщина и, схватив послушную Лину за плечо, в самое ухо произнесла: – Возвращайся в город, а не то...

– Вот и кофе! – Антон поставил бокал из темного стекла перед Любовью Никаноровной и подмигнул Линочке.

– Я слышу, – вновь заговорила Избачиха, выпустив Лину из крепкого захвата, – машина твоя подъехала. Ждала тебя, ждала – нет. Забеспокоилась, мало ли что случилось. А ты, детка, значит, невеста Антона нашего? – Никаноровна прищурила глаза и посмотрела прямо на Лину тяжелым взглядом.

У девушки замерло сердце, она так разволновалась, словно от мнения пожилой женщины зависело будущее, возникло странное желание понравиться ей во что бы то ни стало.

– Ватрушки попробуйте, рулетик, – заворковала Элеонора, пытаясь подражать теплому голосу одной из своих опекуниш.

Избачиха прищурилась еще сильнее и покачала головой.

– Вижу я плохо, детка, но думаю, человек ты не пустой, не из глупеньких да брехливых. Из чьих ты? Что у тебя за семья? Где трудишься или учишься где? Сказывай, детка, мне, старухе, всё любопытно знать. Уважь старость, потешь душу новостями.

Линочка сначала осторожно, а затем всё смелее и смелее, стала рассказывать о себе, о том, как сиротой осталась, о тетках-опекунях, о сложностях жизни, о своей невезучести; как на духу призналась в страхе перед маленькими поселениями, поскольку не понаслышке знает, какие существа водятся в тихом омуте и, как просто попасть в переплет событий.

Избачиха слушала внимательно, кивала, иногда улыбалась, иногда хмурилась и качала головой, вздыхала, шевелила бровями, но не перебивала. Один раз Линочке показалось, будто в глазах Любви Никаноровны блеснул огонь, однако, тяжелые веки снова сомкнулись и пламя азартного интереса погасло. Избачиха долго молчала, упираясь подбородком в круглый набалдашник длинной трости, больше похожей на посох.

– Хороша ли ты лицом? – неожиданно спросила Любовь Никаноровна. – Я способна видеть силуэты, различать формы, если они в движении, некоторые цвета, если они яркие, но мелочей разглядеть не могу.

– Линочка у нас красавица, – ответил Антон, заметив растерянность Лины. – Скромна, мила, умна и очень любит смущаться. Вообще-то, мы друзья.

Бледные губы Избачихи слегка дрогнули, изображая улыбку. Выпив кофе, Любовь Никаноровна засобиралась домой. Антон вызвался её проводить, пообещав вернуться минут через десять. Линочка убрала со стола посуду и, проходя мимо двери, ведущей в сени, услышала скрипучий голос Избачихи, строго выговаривающей что-то Антону. Подслушивать желания не возникло, и не упав с плеча кухонное полотенце, Лина прошла бы мимо.

– Хорошая девушка, – услышала Линочка, – спокойная, не вертушка, не ветреница. Умом, конечно, не блещет, эрудиции я не заметила, но оно для домашнего обихода и хорошо. Антоша, не обижайся, но ты тоже не Эйнштейн. А для счастья нужно немного: правильно оценить себя и найти в пару себе ровню. Не скандальная, без претензий, совсем не эта мамзелька-карамелька Зойка. Давеча, сквозь зубы поздоровалась и мимо – шашь. Хотела я у нее про мать, про Валентину, спросить, да куда там, мелькнула и растаяла белым туманом, дылда. Не знаешь, как Валентина-то? Совсем разумочка лишилась, сбредила головушкой после смерти мужа. Знаки на заборе начертала, в Москву бежать собралась, глупая, думает от зла упасется. Поговорил бы ты, Антошенька, с Валентиной или с Зойкой-карамелькой, по-доброму, по-соседски, пусть вернут то, что забрали, иначе никаким способом лихо не отвадят от себя. Жалко их, дурех, пропадут ведь почему зря.

– Я говорил, – тихо ответил Антон. – Но они не понимают, о чем речь.

– Бестолковые! – зло и тонко воскликнула Избачиха. – А ты еще раз поговори. Зойка видела твою невесту?

– Видела, но Лина мне вовсе не...

– Вот и славно. Невесту свою зря не пугай, она, вишь, боится загадок да переплетений, а в Беседино их целый лабиринт. Хочется мне, Антоша, – голос Избачихи стал глуше, – до центра этого лабиринта добраться и зло одолеть. Только боюсь, не одна я в центр попасть мечтаю, кто-то меня обгоняет. Не лихо ли само со мной состязается? Невесту свою напрасно ты сюда привёз.

– Линке угрожает опасность, – ответил Заречный. – Я смогу её защитить.

– Славный ты парень, Антошенька, – вздохнув, сказала Любовь Никаноровна. – Только от счастьяца таким мало достается.

Лина не расслышала ответ Антона, голоса удалялись и звучали все тише и тише, пока вовсе не умолкли. Все-таки, не зря красавица Зоя побаивалась Избачиху: странная она. Упоминание о Зое, вызвало тупую тянущую боль в сердце – обида; не острая и возмущенная, а давящая, тоскливая, принуждающая к покорному осознанию своей никчемности.

«Если вы чувствуете приближение скверного настроения и знаете причину, вдохните глубоко, медленно выдохните и попытайтесь эту причину сформулировать по-иному, немного поиграв с синонимами и определениями».

Да что это? Лина сделала глубокий вдох, задержала дыхание, медленно выдохнула и, вскинув голову, постаралась улыбнуться. Всё отлично! Глупыми мыслями, дурными воспоминаниями, необоснованными страхами и комплексами можно запросто загнать себя в тьмоту и совершенно утратить жизненные ориентиры. Проблема вовсе не в посторонних людях, а в ней самой.

Расставив посуду на полке, Лина подошла к большому зеркалу, висевшему на стене, и долго смотрела на своё отражение. Маленькая, худенькая, серенькая, в свои двадцать пять похожа на подростка... нет, не так! Она хрупкая, изящная, платиновая и очень юная, но уже не глупенькая. Да, она хорошо выглядит для своих лет! Снова вспомнилась Зоя, и улыбка

на лице Лины погасла. Вот, если бы не встреча с Зоей, настроение было бы отличное, надо было этой девчонке всё испортить. Красивая она! Да еще Избачиха подлила полынной горечи в душу.

Антон вернулся, и они проговорили о том, о сем до самого вечера. Линочка попыталась было узнать, отчего Зоя недолюбливает Избачиху, но молодой человек махнул рукой и принялся рассуждать о социуме малого пространства, где взаимоотношения складываются странно, и объяснить их можно только заглянув в далекое прошлое прежних поколений.

Лина понимала, что Антон уходит от прямого ответа и это вынужденное умничанье, и разговор на заданную тему не доставляют молодому человеку удовольствия; он был натянут, как струна и явно опасался сказать лишнее, тщательно подбирая слова. И только, когда стал рассказывать истории из старой жизни поселка, расслабился и повеселел.

Выяснилось, что Избачиха получила прозвище с рождения, поскольку мать ее звалась в народе Избачихой и бабка и, возможно, прабабка. Кто-то из предков оказался грамотным и его, после революции, определили работать в избе-читальне, с тех времен всех его потомков нарекают в народе Избачами.

А родовая ветка красавицы Зои, по материнскому древу, получила уличную фамилию Чмаровы. Это потому, что жили праотцы небогато, зачмарено. Есть в селе семьи Мушликовых, Порькиных, Кусленковых, конечно, по паспорту фамилии у них другие, но в поселке их так, по-уличному, и кличут.

– После войны, – объяснил Антон, – когда ценился каждый колосок в поле, грызуны считались злейшими врагами колхозного хозяйства. Спасались от такой напасти жесткими методами: заливали водой норки, хватали выскакивающих зверьков и... ну, скажем так, умерщвляли. Затем отрезали хвостик и предъявляли в качестве документа на поощрение за работу. Чем больше хвостов, тем значительнее вознаграждение. Особенно преуспели в таком деле малые ребята Ивонины. Семья осталась без отца, а выживать-то надо. Вот мальцы и старались. Младший – не знаю, как его звали, заливал норки, а, когда суслик появлялся, кричал старшему брату Сашке: «Шашка, Шашка, мушлик! Мушлик!»

У Захаровых история более давняя и веселая. Захаровы из зажиточных, до революции считались крепкой семьей, двулошадной, одна лошадка – для выезда в город «на ярманку», другая – рабочая. Выйдет, бывало, старший Захаров из избы и кричит на всю улицу, чтобы слышно было каждому: «Порька! Порька, запрягай лошадь. На ярманку поедem за конфетами. Пыстрой, пыстрой пеги, лотырь этакий». Так с тех пор и кличут Захаровых Порькиными.

А семья Кусленковых получила фамилию по причине неосмотрительности: козленок со двора убежал, и один из малых ребят ротозейного семейства метался по деревне и причитал: «Куслёнок убёг. Куслёнка не видели?».

– Давно уже ушли в небытие первые Мушликовы, Порькины и прочие, а фамилии существуют, история дышит, живая, настоящая. Так Избачиха говорит. Я плохо рассказываю, а вот Избачиху заслушаться можно. Она такие сказки знает, что ни в одной книжке не прочитать: и о том, как Иван-мороз свататься приезжал, и про мертвую невесту, и о свадьбе ведьмака, о зеленом мельнике, про охотника в островах, о треклятой карти... не, – на последнем названии Изачихиных сказок Антон заикнулся и, нахмурившись, быстро добавил, что сказок много, а жизнь одна.

Сказок Лине сейчас хотелось меньше всего, поэтому, когда Антон предложил прогуляться перед ужином и сном, она обрадовано согласилась.

Воздух в посёлке был необычайно легким и немного колким от морозца, от земли и деревьев исходил аромат зимы, пусть без снега, но в ожидании его; щеки зарумянились, глаза заблестели. Линочка ощутила в себе силы и желание пробежаться по хрусткой тропке вдоль забора.

Здесь, в Беседино, события, приключившиеся в городе, казались Линочке далекими и незначительными, а серый человек представлялся всего лишь плодом фантазии.

– Спорим, я первая добежу до соседского дома? – Лина поддела Заречного плечом и они, подпрыгивая, словно озорные «кусята», побежали наперегонки, не успев обговорить условия спора.

Однако Антон, и Линочка оказались не лучшими бегунами. Они быстро выдохлись и, добежав до цели, остановились, переводя дыхание и тихо посмеиваясь над своим ребячеством. В окне дома, за плотной шторой, мелькнул силуэт.

Ночь беспокойная

– Это Зоя? – спросила Линочка и прыснула в кулачок, вспомнив уличную фамилию мамзельки-карамельки. Воздух, насыщенный кислородом, опьянял: всё грезилось легким и веселым.

– Нет, это Валентина, ее мать. Зойка по пятницам у подруги ночует, а возвращается первым рейсом, надолго в городе не остается, за матерью присматривать надо. Она, в смысле, Валентина, женщина с фантазиями. Сама видишь, – Антон указал на забор, расписанный рунами.

– Что дурного в фантазиях? – пожала плечами Лина. – Они спасают от скуки. Ты же сам любишь сказки.

– Не знаю. – Антон стал серьезным и вздохнул. – Понимаешь, сказки – это нечто абстрактное, вреда не приносящее, а фантазии могут стать губительными. Она сама себя ими калечит. Хорошо, если Зое удастся увезти мать в Москву, а там подлечить ее. – Антон повертел пальцем у виска, давая понять, какого рода недуг одолевает Валентину.

Всё началось после смерти мужа Валентины, Неона Аскольдова, то есть, Худова Николая Степановича. Художники, как понимал Антон, люди, наделенные болезненным воображением, и общаться с ними опасно, поскольку фантазии могут быть заразными, судя по поведению Валентины Ивановны. Аскольдов, по предположениям Заречного, со своим художественным бредом справлялся с помощью холстов и красок, оставляя образы, рожденные фантазией в сюжетах на полотне, а Валентина Ивановна – педиатр в детской поликлинике, и сбрасывать заразу иллюзий, не умела.

– Опасные микробы воображения копят и плавят мозги, порождают галлюцинации и ведут человека к гибели. Вот, например, всем известно, – повествовал Антон, – что после наступления сумерек в баню не ходят, поскольку дед-банник готовится других гостей встречать, а после двенадцати часов и вовсе к бане подходить опасно – нечистым это место считается. Так Избачиха говорит. А на самом деле – всё просто и объяснимо: у хорошего хозяина к двенадцати часам банька-то уже выстывает. В общем, как-то раз тетя Валя, закрутившись по хозяйству, прозевала банное время и решила принять гигиенические процедуры в час ночи. Поздно протопила баню... Понятно, устала женщина, сон одолевает, решила быстренько, на скорую руку, ополоснуться, и на боковую. Поторопилась, не досмотрела, забыла заслонку открыть и едва не угорела. Согласись, ничего сказочного.

Хорошо, Избачиха с утра усмотрела, что в окнах свет ночью горел, и пошла взглянуть, что за оказия такая. Не знаю, может быть, у Валентины Ивановны из-за переизбытка угарного газа в мозгах необратимые изменения начались, только стала она заговариваться немного. Тетя Валя всех убеждает, что пыталась из бани вырваться, но дверь была приперта чем-то. Говорит, хотела окно высадить, но не получилось, силы не хватало. И в окно, кстати, будто бы видела призрак. Конечно, угар начал действовать, ведь, дверь-то никто не подпирал. Кому такое в голову взбредет? А Валентину спасло то, что она лежала на полу и дышала воздухом сквозь щель в двери.

На этом злключения несчастной не закончились, и каждый случай Валентина приписывала козням некой тени, преследующей её. Однажды она едва не удавилась веревкой, натягивая ее на рогатины, чтобы развесить белье для просушки.

– Я думаю, – Антон бросил взгляд на Лину, на окно, снова на Лину, – она просто запуталась в длинной веревке, накинула ее себе на шею, дернула с силой и едва не убила себя. В другой день, чуть в Анюткином пруду не утопилась. Хотя, какой пруд, так лягушатник, и воды там воровью по щиколотку, но Валентина Ивановна умудрилась воды нахлебаться. Ну, а что уди-

вительного? День выдался жаркий, душный, она от жары сомлела, потеряла сознание, упала в пруд.

– Почему не подключили полицию? – спросила Лина. – Что, если всё это не случайность?

Вопрос прозвучал глупо. Понятно, что Антон видит причины всего случившегося в нездоровье Валентины и вмешательство посторонней силы исключает. Разумнее было бы не воспринимать несчастья незнакомой женщины всерьез и согласиться с мнением Антона. В конце концов, какое ей, Линочке, дело до чужих фантазий и болезней? И все же, знай она заранее о происходящих в Беседи странностях, предпочла бы провести рождественские каникулы дома, в городе. Не хватало еще оказаться в эпицентре таинственных событий, которых следует избегать и опасаться, как урагана, способного разрушить надежды на будущее.

Тайны только кажутся притягательными, похожими на полотно, сотканное из золотой парчи, скрывающей под собой нечто заветное, а на деле оказываются рваной мешковиной, закрывающей чьи-то нечистые помыслы.

– Полицию? – удивился Антон. – С какой стати полиция станет выслушивать бред начинающей сумасшедшей? Валентина сама виновата в своих бедах, придумала какую-то злобную тень, чтобы переложить ответственность на неё. Это психология, а не криминал.

– А Зоя, как относится к происходящему?

– Собирается в Москву, я уже говорил. Что Зоя? Зоя прекрасно понимает: матери необходима в лучшем случае смена обстановки. Зоя давно намеревалась перебраться в столицу, но Валентина противилась, считала, что город больших возможностей сломает девочку. А получилось, что сломалась сама Валентина Ивановна, и без участия Москвы. То, чего мы боимся, то, чаще всего, и происходит.

В словах Антона была логика, здравый смысл и успокаивающая душу уверенность, но недавно полученный жизненный опыт мешал Линочке воспринимать события в предложенном Антоном варианте. Тайны, даже чужие, пугали. Причина такого страха таилась в событиях минувшей осени, и она еще не совсем отошла от проклятия Дьяка Лютого, навсегда утратив то, что могло бы стать большим счастьем.

Надо перестать думать о прошлом, начать жизнь с чистого листа, отодвинуть пережитое, отмахнуться от призраков и шагать дальше. Жизнь продолжается!

«Если ваше дурное настроение связано с прошлым, постарайтесь отпустить былое. Представьте прошлое в виде белой птицы, томящейся в клетке. Распахните дверцу и позвольте птице обрести свободу. А вас ждут новые люди и новый мир».

Лина решила больше не вникать в проблемы Валентины Ивановны и не расспрашивать о них Антона: глупо и невоспитанно совать нос в чужие дела, особенно, если они тебя совершенно не касаются.

«На новом месте, приснись, жених, невесте». Линочка бормотала фразу и сладко позевывала, призывая сон, но уснуть долго не удавалось. Лина встала с кровати и, накинув на плечи одеяло, подошла к окну.

Завораживающая картина: темная улица, свет одинокого фонаря, блестящая корочка наледи на озябшей земле, остекленевшие кусты крыжовника, крадущаяся вдоль забора тень... Тень!

Линочка больно стукнулась лбом об оконный переплет, стараясь удостовериться, что увиденное не ночная греза. Тень двигалась медленно, крадучись. Лина быстро натянула на себя джинсы, свитер и вышла из спальни, намереваясь разбудить Антона и рассказать ему об увиденном. Дверь в комнату Антона была не заперта, молодой человек мирно спал, свернувшись калачиком на диване, и тихо посапывал.

Лине стало неловко. Зачем тревожить человека? Объяснение займет много времени: пока Тошка стряхнет остатки сна, пока поймёт положение вещей, пока примет решение – пройдет

время, а Тень ждать не станет. Может быть, оставить всё, как есть, лечь спать и ждать развития событий? Вероятнее всего, ничего не произойдет.

А если произойдет? Если несчастная Валентина Ивановна, сейчас нуждается в помощи? Если Валентине угрожает опасность и Линочка, зная, вернее, угадывая это, позволяет злу совершить гнусное дело?

На сборы ушло не более минуты. Лина, чтобы не оставлять дверь дома открытой, воспользовалась окном своей спальни.

Оказавшись на улице, окутанная темнотой и холодом, девушка растерялась. Тень исчезла, тонкий ледок под ногами, предательски хрустел. Как же так получается: хочешь спокойно провести ночь, делаешь всё возможное и получаешь отрицательный результат? А всего-то надо было оставаться в постели и ждать сна, не выглядывая в окно. Не вернуться ли?

Линочка старалась идти бесшумно, скользящим шагом и на полусогнутых, она внимательно прислушивалась к шорохам и звукам, до рези в глазах вглядывалась во тьму, но ничего не слышала и не видела. Главное – держаться ближе к забору, так получается тише и не так страшно.

Лина обогнула дом, прошла, цепляясь за штaketник, до огорода и остановилась. Дальше, как она успела понять из дневной экскурсии, раскинулось поле с частными наделами, которые раньше назывались усадями, а теперь вольницами дачников. За огородами темнота казалась густой, сплошной и бескрайней, как отчаяние.

Линочка остановилась, раздумывая над дальнейшими действиями. Тихий шорох, шепот, чей-то вздох, движение воздуха. Тьма вздулась и отделила от себя движущийся и бормочущий сгусток.

Девушка вжалась в забор, уступая узкую тропку порождению тьмы. Тень медленно, не оглядываясь, прошествовала мимо, постукивая по наледи длинным посохом.

Избачиха! Неужели пожилая женщина страдает лунатизмом? Скорее всего, бессонница бедняжке докучает. Не окликнуть ли? Не решилась, да и силы внезапно закончились, остро, до ломоты в суставах, захотелось спать. Лина ощутила спокойствие и легкость, она-то готовилась к встрече с мистическим ужасом, а встретила Избачиху, совершающую прогулку.

Возможно, для поселка такие променады не совсем обычное дело, но польза от ночного похода большая, особенно для тех, кто страдает бессонницей. Остаток ночи Лина проспала крепко и без сновидений.

Паутина для бабочки

В доме было жарко, хозяин решил растопить печь в дополнение к центральному отоплению, опасаясь за хрупкое здоровье изнеженной городской гостьи. Лина вошла на цыпочках в кухню, прижалась плечом к теплому боку голландки и взглянула на старые ходики, висевшие на стене.

Девять часов. В выходные Линочка позволяла себе поспать подольше, часиков до двенадцати, но и после долгого сна не чувствовала себя бодрой, а сейчас она была полна сил и ужасно голодна.

– Что снилось? – спросил Антон, снимая закипевший чайник с плиты и заваривая кофе. – Смотри-ка, еще суток не пробыла в Беседино, а личико румяное, глаза блестят – целебный воздух действует. Пойдем-ка завтракать на террасу, всё уже готово.

Лина, вдохновленная ароматом кофе и омлета, выбежала в террасу, угнездилась на мягком сиденье эргономичного, как назвал Антон, стула и запрокинула голову, упираясь затылком в высокую спинку. На столе лежали журналы и городские газеты, на подоконнике стояла чашка. Ну, конечно, Заречный – парень сельский, из ранних пташек, не дождался, когда гостья-засоня очнется от сладких снов, и позавтракал.

– Ничего похожего, – азартно запротестовал Антон. – Я выпил всего две чашки кофе. Ну, рассказывай, кто тебе приснился?

Хозяин пытался развлечь гостью, показавшуюся ему скучающей. Он рассказывал занятные истории из жизни односельчан и товарищей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.